

Михаил Рыбка

Моя палата

Повесть

Степан проснулся из-за того, что ему стало холодно. Окошко его палаты едва сдерживало натиск мороза, дразнившегося из-за стекла. Дышащий ледяным укором, мороз рисовал серо-белые витражи, вытачивая тончайшие завитушки рукой мастера, опыт которого составлял миллиарды лет. Подбадриваемый настилавшим подоконник и откосы инеем, холод вторгся вглубь палаты и принялся захватывать один квадратный метр за другим. Квадратных метров в палате было не так уж и много — всего одиннадцать, а потому бой с теплом был выигран, и пленных уже не осталось, кроме самого Степана. Он попытался втиснуть свое тщедушное, испещренное шрамами и следами от укулов тельце глубже в кровать, наматывая жиденькое латаное одеяльце вокруг себя словно саван. Тяжело вздохнув, Степан принялся сжимать и разжимать пальцы ног в надежде преобразовать механическое действие в энергию тепла, но ресурсы его организма и так с трудом выдавали порции активности пунктиром, будто

старая шариковая ручка студента-отличника. Часов в палате не было, но свет из окошка, для которого иней не стал преградой, подсказал Степану, что уже около семи утра. Значит, с минуты на минуту шаркающая походка бабы Нины сопроводит ее в конец коридора для того, чтобы начать побудку пациентов.

Степан окинул взором убогую обстановку палаты, как будто видел это все впервые — торчащая за его ногами решетка кровати, привинченный к полу деревянный замасленный стол, на котором стояли одиноко, словно крепость с башней где-то в поле, миска с чашкой, опять же привинченный к полу табурет возле стола, и половая тряпка, служившая обитателю палаты халатом, накинутая на торчавший из стены гвоздь. Стены его палаты состояли из зеленой краски, которая местами, по словам Степана, *«была старше некоторых древних фресок»*. Наносимая слой за слоем, краска утучнялась, набирала вес и теряла первоначальную равномерную структуру. Она вдавливала пациента в центр палаты, отбирала его волю и явно претендовала на то, чтобы единолично обитать в этих стенах. Единственным, что нарушало ее планы, была плотная белая дверь, которая нагло впиралась в палату сантиметров на пятнадцать своим коробом, зияя немигающим глазом-лючком. Похожая на отполированную

медаль, круглая неповоротная ручка матово поблескивала на груди этого захватчика. Степану частенько хотелось что было сил дернуть за эту ручку и заорать, а точнее, зашипеть в коридор, изрыгая проклятия в лица тем, кто его запер в этом месте. Но он знал, что дверь, схваченная снаружи на засов, не поддастся ни на его силу, ни на его мольбы, ни на его увещевания. Дверь подчинялась только персоналу больницы, и стояла бездушной преградой между ним и ненужной ему свободой. Врачи знали, что вся свобода, которая ему нужна, это всего лишь понимание того, что дверь открыта. Он и так не ушел бы никуда — ему совершенно некуда идти. Но таков был порядок, а для врачей порядок и расписание важнее заповедей и завещаний.

Баба Нина, скрипя старыми служебными туфлями на низком ходу, пронеслась, будто недоенная корова, по коридору в самый его конец и принялась тарыхтеть засовами других палат. Через минуту засов на двери палаты Степана издал смазанный шипящий звук, клацнул, и дверь отлетела чуть не в голову пациенту. Из-за двери на его худое лицо смотрели щеки бабы Нины, сверху на которые она положила очки в бежевой роговой оправе.

— Вставай, сынки! Скоро каши дадим! — бодро отчеканила баба Нина ту единственную

фразу, которой уже сорок лет приветствовала своих подопечных каждое утро.

Дверь отпрыгнула от Степана на свое место и вновь стала непреодолимой преградой. Степан выдохнул и принялся разматывать одеяло со своих ног, похожих на черные алюминиевые ножки столов в их столовой. Несмотря на то, что есть он не собирался, неявка в столовую наказывалась лишением просмотра телевизора, а рецидив в тот же день — лишением онога на целых два дня. Ему следовало просто явиться туда, надев поверх растянутой майки и мешковатых подстреленных штанов подаренный бабой Ниной халат, сшитый, казалось, из двух десятков ветошей. Дверь откроется снова через десять минут, а за это время следовало сделать несложную гимнастику и несколько раз окститься, пялясь в западный угол его палаты. Степан понятия не имел, где в его палате запад, где восток, а где Северный полюс. Но заботливая баба Нина на одной из стен мелом вывела незамысловатые буквы «за-д», сократив, таким образом, слово «запад». И вот, Степан, еле подымая руки до подбородка, уперся взглядом в «за-д», осенил по мере своих сил себя крестом, больше похожим на круглое движение рукояти мясорубки, и слегка склонил голову. Сам-то он редко задумывался о своей вере, но баба Нина могла рассердиться, если не выполнить этот ритуал.

Разминкой ему послужили сделанные несколько шажков от двери до окна, откуда Степан постарался поскорее убежать, ощутив, как его почки сжала невидимая, но крепкая рука холода. Потоптавшись для приличия еще пару минут, он медленно приземлился на свою кровать, продавливая растянутые пружины своими сорока пятью килограммами почти до пола. Разминка отняла у Степана много сил, и ему показалось, что для того, чтобы подняться обратно, ему понадобится помощь безумного гения-физика, который сможет отключить гравитацию вовсе. Степан пожалел, что не воспользовался гостеприимством табуретки, глазевшей на него шляпками вбитых гвоздей. Но табуретка охладила взгляд, и он поскорее отвел от нее глаза, подумав, что, наверное, неплохо бы чувствовал себя в инвалидном кресле с электрическим мотором. Само собой, такую технику ему не достать, но, может, парочка костылей, или хотя бы трость с каучуковым наконечником скрасили бы его повседневный быт.

За этими мыслями его застала дверь, которая по определенному заранее маршруту распахнула зев, ослепив стеклянный лючок встретившей ее на конечной остановке зеленой стеной. Баба Нина вновь вставила в проем свои щеки и добродушно произнесла:

— Стенька, доходяга, чего расселся, как блоха на яйцах?

Степан, не изменившись в лице, жалобно прошептал:

— Помогите встать, баб Нин...

Баба Нина захохотала.

— Ох, дурында ты богомерзкая! Я вот как скажу Федору Никитичу, что ты опять не ешь, так он тебе заново шланг промеж гланд засунет. Засунет, помяни мое слово! Давай сюда свои культяпки, — дородная старушка протянула Степану синеватого цвета руку.

Степан, едва прикоснувшись к ее руке, вылетел из своего места, словно пробка из бутылки с шампанским. Не имея сил остановиться, он, практически не касаясь ногами пола, преодолел три метра своей комнатушки в полете, и остановился только благодаря тому, что рядом всегда были стены. Тяжело выдохнув, Степан подтянул полы своего халата и обмотал ими талию, завязывая примитивный узел на впалом животе.

— Пошли уже, штангист! — баба Нина легонько толкнула Степана в спину ладонью. Толчок едва не перехватил тому дыхание, но он промолчал, лишь закатив глаза.

Баба Нина выждала, пока пациент, волоча ноги, выползет из своей конуры и проследовала за ним в коридор. Там уже всюду крутилась карусель

мрачных серых теней, одна краше другой. Осунувшиеся пациенты лечебницы вереницей двигались перед Степаном, *«напоминая своими скрюченными спинами бесконечную строку со знаками вопроса»*. Степан улыбнулся, а точнее, приподнял правый уголок губ, обрадованный тому, что такая красивая аналогия вдруг пришла в его сознание.

— Баб Нин, — на вдохе прошептал он, — а чего это у вас тут все такие любопытные? Так много вопросов...

— Чего?!

— Да вы гляньте, ну чисто же знаки вопроса идут! Как на перепись в библиотеку!

Баба Нина несколько томительных секунд морщила лоб, подтянув его к щекам, и силилась понять, что именно Степан имеет в виду. Этот процесс не увенчался успехом, и она только выпалила:

— Вот ты, блядь, мне тут еще научную конференцию устраивай, давай! Ишь, библиотекарь какой.

Она вновь толкнула Степана в спину, чтобы тот присоединился к сотоварищам по пути в туалет на opravку. Сопротивляться энергичной бабе Нине не смог бы даже местный санитар Володька, здоровенный детина под два метра ростом, вечно пахнущий одеколоном и гоняющий сквозняк густой

растительностью, торчавшей из носа. Степан не увидел, как баба Нина перекрестилась за его спиной, и, передвигаясь черепашьям шагом, направился вместе с другими «не проросшими злаковыми зернами» в санузел, радуясь еще одной понравившейся ему аналогии. Лишь через несколько мгновений он понял, что перепутал слова «злаковый» и «злачный», затем и вовсе потерял ход мысли. Его внимание переключилось на Федора Никитовича, главврача, который раньше обычного приехал в больницу. Тот махнул лапами своего пальто и проследовал мимо, озадаченно покусывая пухлые красные губы и растирая рукой морозный румянец.

— Фед-Китич! — гаркнула позади Степана медсестра. — А когда к вам со справками зайти-то? У меня уже ими вон стол подпирать можно!

Федор Никитович только кашлянул, неопределенно покрутил рукой в воздухе и растаял за поворотом, спешно унося ноги от назойливой подчиненной.

— Ишь, фраер медикаментозный... — злобно шепнула она себе в кулак. — Я их тут десяток пережила, и каждый думает, что он тут главный...

Добравшись до санузла позже остальных, Степан отодвинулся, чтобы выпустить первую партию тех, кто уже оправился, и побрел по сбитому чужими пятками кафелю «цвета Луны в

отражении глаз любимой девушки» . Он волочил ноги, пока не увидел впереди себя то единственное лицо, которое не хотел бы видеть — свое отражение во вмурованном в стену зеркале, защищенном толстым крепким стеклом. Испугавшись на миг этого уродливого тощего незнакомца с торчащими из воспаленных десен зубами, Степан застыл и облокотился об умывальник. Холодная вода укусила его за палец, выводя из ступора. Он подставил ладони с сухой пожелтевшей кожей под пискливую струю воды, но крючковатые пальцы не сумели поймать ничего, кроме нескольких капель, да и те успели сбежать, пока руки соизволили добраться до его лица. После нескольких попыток он таки смог увлажнить щеки и губы, сплюнуть, едва не вывихнув челюсть, и примять жиденькие волосы, сбившиеся комками на лысеющей голове. В туалет ему не хотелось, да и сам вид этого места вселял в него ужас и панику. Покосившись на оскалившуюся язычками замков приоткрытую дверь, за которой больные непосредственно справляли нужду, Степан взял курс на выход, ловко, учитывая свое состояние, лавируя между телами пациентов, что стихийно стояли возле прохода.

Выйдя в коридор, он степенно встал в очередь возле закрытой двери столовой, и принялся пальцем гонять неуловимую тень от руки на обшарпанной

стене. Мимо пронесся вихрь, состоявший из улыбки и молодой медсестры Тома, приехавшей на практику по распределению из другого города. Она подмигивала каждому, кто успевал заглянуть в ее лицо, *«ослепляя догорающие фитильки их глаз ярко накрашенными губами»*. Не по инструкции длинные волосы она всегда собирала в бублик на голове, чопорно припиленный заколками-невидимками, *«чтобы те не брызгали на фасад ее головы»* и не заслоняли нарочито выделенное декольте. При виде Тома во многих пациентах пробуждалось мужское начало, что жутко злило главврача, который не раз на повышенных тонах делал ей замечания. Но Тома упорно не желала совладать со своей молодостью, и, невинно хлопая ресницами, еще больше распрямляла плечи, что в итоге заставляло Федора Никитовича сбиться с мысли, махнуть рукой и жахнуть дверью своего кабинета. Тем более, что до конца ее практики оставался всего месяц, лучше уж потерпеть. Эту его слабинку чужали все, в том числе и баба Нина, которая повадилась по ночам спать на кушетке в его кабинете вместо того, чтобы нести дежурство на посту. Благо, ключи имелись у охранника, который за склянку спирта выдал бабе Нине дубликат.

Тома, *«прожигая низкими каблучками линолеум»*, резко остановилась возле двери

столовой, открыла ее и просунула голову внутрь.

— Эгей, кастрюльки! Варите? Тут сейчас голодный бунт будет, если не откроетесь! Быстрее там! — ее голос *«звенел, словно рассыпанные на асфальте клавиши рояля»* .

В ответ изнутри донеслись недовольные обрывки фраз. Единственное, что Степану удалось расслышать, было слово «кусок», а дальше звучало что-то вроде «курвы» или «курицы». Тома выдала в ответ:

— Это я, мать, не тебе! Ты у нас не кастрюлька, ты у нас выварка! — и захлопнула дверь.

Повернувшись в сторону стоявших словно *«оловянные солдатики»* пациентов, Тома подбоченилась и звонко спросила:

— Ну что, импотентики, афродизиаков вам выписать сегодня? Кто первый, становись!

Несколько десятков *«заросших тоской»* глаз уставились на молодую практикантку. Кто-то хмыкнул. Кто-то, не разобравшись, в чем дело, поднял руку.

— Сережа, я и так знаю, что вам надо, не бойтесь, я вам в капельницу каждый день добавляю! — Тома рассмеялась.

— Слышь, Томка, добегаешься! — бравым голосом сделал ответный выстрел один из пациентов.

— Та чего мне бегать? Это я за вами бегаю, а вы, как мальки, врассыпную. Сегодня всем витамины колоть, кто профилонит — сделаю витаминную клизму. Семиведерную! Стенька! Ты слышал меня, привидение?

Степан с усилием оторвал голову от стены и едва заметно кивнул. Он вновь спросил себя, почему к нему единственному из пациентов обращаются на «ты». Наверное, потому, что он был самый молодой.

— Смотри мне! — Тома пригрозила ему пальцем. — После обхода все в процедурную! Сегодня у меня ручка мягонькая!

— До сих пор сидеть не могу после прошлого укола... — послышалось из-за спины Степана, но Тома не услышала этого и, развернувшись, отправилась в процедурную, нарочито громче топая возле дежурного поста и бабы Нины. Та сокрушенно помотала головой, и из маленького отверстия между ее щеками вылетело:

— Блядь же! Ну ничего, я такой же была... — и вернулась к заполнению отчета о дежурстве.

Столовая тем временем застучала алюминиевыми тарелками, чашками, ложками, запахла пригоревшей кашей, чаем *«цвета капельки йода в океане»*. Серые пешки на шахматной доске квадратного узора линолеума зашевелились и взволнованно начали вытягивать шеи,

принюхиваясь и гадая, какая же каша выпадет из поварешки в их тарелку сегодня. Перловка? Гречка? Впрочем, все понимали, что в этой столовой каша отличается от другой каши только внешним видом, и то незначительно. По вкусу она всегда одинаковая, как день пожизненно заключенного.

Баба Нина, *«пуская по линолеуму волну от своей тяжести»*, проплыла мимо Степана, который уже почти всем телом прилип к стене и старался не упасть от слабости.

— Баб Нин, у меня там с окном что-то... Холодно очень... — прошептал он ей вслед.

Она повернула к нему одну щеку и сказала:

— Да ты что? А я-то подумала уже, что это от тебя холодком повеяло.

Уплывая все дальше, она снова продемонстрировала Степану щеку и добавила:

— Да знаю я! Уже позвонила, чтобы сделали что-то. От холода только в войну мерли, не ссы!

Степан оглянулся в другую сторону на шум — открылась дверь столовой, но только одна створка из двух, словно предупреждая: «проходите, конечно, но вам тут не рады». Пешки задвигались, кто и как умел: кто через одну клетку, кто через две, а кто и конем походил. Ручеек седых волос потек, огибая открытую створку двери и расплескиваясь внутри на две очереди, одна за

кашей, другая за чаем. Выстояв одну очередь, капельки ручейка перетекали в другую, омывая высокий раздаточный стол своими робкими волнами вздымающихся в нищенском просящем жесте рук. Степан с комком в горле наблюдал за тем, как сухой камень каши, подозревающийся в причастности к съедобным продуктам, цеплялся за кромку поварешки, затем соскользнул с нее и с предательским звоном приземлился на доньшко тарелки с вмятинами на боках. Сверху в кашу, едва не согнувшись, вонзилась ложка. Это повариха тореадорским движением втыкала ее, будто шанцевый инструмент в мерзлый грунт. Глаза работницы столовой обожгли ненавистью запястье Степана, затем скользнули выше, прижигая рваные нитки на кромке его халата, и оцарапали его впалые небритые щеки. Степан все это время пытался убежать от этого взгляда, старался развернуться как можно быстрее и объявить капитуляцию, сверкая белой заплаткой на спине, но не успел. Он двигался, *«как ленивец после смерти»*. И повариха успела-таки выплеснуть на него ушат своего обычного утреннего настроения:

— Ну чего встал-то, пассажир морга? Шевелись, червь, я тут не собираюсь все утро на тебя смотреть! Мне после вас, обмылков, еще посуду мыть!

Степан уже успел сделать несколько шагов,

но повариха все еще продолжала осыпать его оскорблениями и проклятиями, вспоминая всех его предков до Кембрийского периода. Однако мысли его были заняты другим. Он пытался решить ту же задачу, которую решал каждое утро: стать ли в очередь за чаем, держа в руке тарелку с кашей, или же сначала поставить тарелку, а затем вернуться за теплым напитком? Но для того, чтобы поставить тарелку, ему придется пройти половину столовой, лавируя в узких проходах между столами, словно в бамбуковой роще, в поисках свободного места. Затем вернуться обратно и проделать тот же путь в третий раз уже с чашкой чая. А очередь за чаем вот — всего в половине шага. Но он не был уверен в том, что удержит тарелку столько времени.

Сегодня Степан решил встать в другую очередь с тарелкой каши в руках. Вчера его выбор был иным, и в итоге он заблудился между столами, не понимая, где осталась его порция завтрака. Минут десять он бродил по столовой, спотыкаясь о выпирающие стыки кафеля на полу и расплескивая чай на свои тапочки, пока наконец не нашел пустое место с такой же пустой тарелкой.

Очередь двигалась быстро, и расстояние между ним и впереди идущим постоянно увеличивалось. Он решил немного ускориться, ощущая на своем затылке недовольное дыхание других пациентов, и едва не потерял равновесие,

когда выставил руку с тарелкой дальше, чем следовало. Все закончилось благополучно — он успел согнуть руку обратно, и гравитация, злобно оглядываясь на центр тяжести, оставила его в покое. Балансируя, будто ниже его колен дрожали не поджилки, а туго натянутый трос канатоходца, Степан дошел до раздаточного стола с чаем и хлебом. В этот самый момент его проприоцепция подло явила свою истинную суть и подставила ему подножку. Руку с тарелкой тряхнуло, в груди защемило, пальцы разжались и выпустили посуду напрямиком на металлическую поверхность, усыпанную крошками хлеба. Тарелка приземлилась, имитируя звон колокола в церкви. Повариха, которая раздавала кашу, от неожиданности дернула поварешкой и вывалила порцию пациенту в карман вместо тарелки. В следующих миг Степана и всех остальных в этом помещении накрыло цунами из брани и довольно сложных форм альтернативной подзаборной лексики. Помощница поварихи, которая разливала чай, исподлобья глянула на начальницу, затем схватила тарелку и убрала ее куда-то в сторону.

— Эх, Стенька, ну что же ты... — она смотрела на него грустными глазами оливкового цвета, пока ее руки машинально вытирали кусочки каши со стола.

Она оглянулась и сказала:

— Сейчас, постой тут, — и убежала на кухню.

Через полминуты она вернулась оттуда с новой тарелкой каши, которая выглядела намного симпатичнее той, что раздавали пациентам.

— Держи вот. Эта с маслом, вкуснее. Она для врачей, — заговорщицки подмигнула она Степану. — А вот и чаек. Сладкий, вкусный. Выпей обязательно!

Он держал в руках тарелку с чашкой и виновато кивал в ответ. Его губы беззвучно произносили «спасибо, тетя Наташа, но я не донесу». Она увидела, как бессильно начинают опадать под тяжестью его руки, и перехватила посуду.

— Стенька... Пошли, пошли, милый, проведу тебя. Давай, сюда, за мной... Да сейчас вернусь! — рывкнула она пациентам.

Ее длинный фартук заискрился перед его глазами, маяком зовущий Степана следовать за ней. Он снова принялся усиленно переставлять ноги, пытаясь поспеть за доброй волшебницей, но она скрылась за серыми горбатыми спинами, лишь изредка давая о себе знать вынырывающим чепчиком. Вскоре она уже бежала обратно, чтобы заботливо подхватить Степана под руки и проводить между опасных скал по одному ей известному фарватеру. Он добрал до своего стула и пришвартовался, бросая свой костлявый зад на

твердое сидение.

— Покушай хоть немного, Стенька... — произнеся эти слова, тетя Наташа убежала на свое место раздавать чай остальным пациентам.

Степан сидел и смотрел в свою тарелку, склонившись над ней. Его нос не чувствовал никаких запахов, живот не выдавал позывов о готовности к приему пищи, его губы не хотели разомкнуться с тем, чтобы отправить внутрь организма пару ложек. Он с ужасом думал о том, что произойдет с пищей внутри его организма, о том, как огромные жернова его желудка набросятся на эти крохотные набухшие зернышки, как они потеряют свой естественный первозданный вид и превратятся во что-то такое, о чем даже говорить страшно. Постепенно его тело кренилось в сторону стола все больше, горный массив позвонков на его спине выдавался наружу все выше и выше, пока не стал проступать под халатом, будто натянутая между шеей и копчиком цепь. Ребра кололи его внутренности, стягиваемые сухой натянувшейся кожей. Чем дольше Степан глядел в свою тарелку, тем дальше становился от мысли положить в рот хотя бы маленький кусочек еды. Он уже давно не чувствовал голода, а вместе с ним ушел и страх перед созерцанием своих останков в зеркале. В конце концов, зеркало он видел лишь один раз на дню, черпая из него ненависть к себе и ко всему

миру. Его сил хватило только на то, чтобы наклонить чашку, не отрывая ее от стола, и несколько раз сунуть в теплый чай язык. Чай был крепче обычного, и вкусовые рецепторы его языка затанцевали, буравя края этого органа острым сверлом. На какой-то короткий миг швартовые канаты, которыми он держался за голую пристань стола с худыми черными ножками, оборвались и безвольно повисли на его плечах. Сидеть ровно сил не оставалось, и он грудью навалился на тарелку, мягкие ребра поддались ее тугому сопротивлению, и, казалось, повторили ее почти идеальную круглую форму. Степан, шумно дыша, без сопротивления завалился вперед. Его голова коснулась ламинированной поверхности с зелеными узорами-разводами.

Он не услышал, что в столовой практически никого не осталось. Поварихи принялись сносить опустевшие кастрюли обратно на кухню, строя из них в глубокой мойке пирамиды. И когда из всех достопримечательностей в этом помещении остался только он один, старшая повариха вновь зацепилась взглядом за его худую, дрожащую от беззвучного кашля, спину. Ждать ее реакции пришлось недолго.

— Наташка, глянь-ка, у нас тут утопленник. Утопился он в твоём чае. Говорила тебе, что чай твой отравя, но чтобы в нем тонули — это впервые!

Наталия поджала губы и кроткой походкой

подобралась к Степану. Она коснулась его плеча, подумав, что прикасается не к плечу человека, а к холодному кирпичу.

— Стенька, ты чего? Уснул, что ли?

Степан усилием воли разрезал спекшиеся веки и опять захрипел, пытаясь прокашляться.

— Стенька, ты не поел опять? Подымайся, вот так, давай. — Наталия обняла его за грудь и легко подняла вместе с теми *«семьюстами тысячами тонн мешков, набитых хлопком и табаком»*, которые лежали на его спине.

Он лишь покосился в ее сторону, переведя затем взгляд в другой угол столовой. Руки ему пришлось опять закинуть на стол, иначе усидеть в этом положении не удалось бы никак. Наталия села на стул рядом с ним, пододвинула к нему тарелку и безапелляционно заявила:

— Стенька, не поешь — не уйдешь никуда. Понял? Вот так.

Повариха из проема кухонной двери подняла грязный кулак и затрясла им, словно размахивая невидимым флажком.

— Наташка, кончай возиться с этим прокаженным! У тебя вон дел полно! Лучше собаке нашей отдай, от ней толку больше!

Наталия сжала кулак до появления на коже белых пятен, но не ответила начальнице. Она старалась заглянуть в глаза Степану, пристыдить

его своей жалостью и состраданием, но никак не могла натолкнуться на тропинку, по которой убегал его взгляд. Она перевела глаза с области его глаз на его уши и ужаснулась: за ними висел комок сбившихся волос. Она машинально потянула его и без всякого усилия вытянула из его головы добрый клочок. Степан даже не заметил этого.

— Да что же это... Господи... — Наталия вдруг зарыдала, вскочила и бросилась вон из столовой, стараясь миновать встречи с любой живой или уже не живой душой, которых водилось в этом месте предостаточно.

Повариха снова вышла из кухни и хищным взглядом уставилась в спину Степана. Подумав с минуту, она оценила, что навару с такой добычи будет маловато, потому вышла в коридор и закричала во всю мощь своих прокуренных легких:

— Тома! Ты где, фурия? Подь сюда, мигом!

Вдалеке тюкнул замочек и ярко накрашенные губы задали вопрос:

— Чего?

— Сюда иди, тебе говорят! Тут один твой кандидат загробных наук застрял между стулом и столом. Иди, спасай! А то жалобу на тебя накатаю!

— Мадам, — равнодушно произнесли губы, — вам жаловаться уже поздно. Ваш последний шанс уплыл вместе с «Титаником».

— Вот коза облупленная! Сюда пошла, тебе

говорят!

— Да иду уже, иду! — ярко накрашенные губы выплыли из кабинета и за компанию с грудью принялись расталкивать воздух в коридоре.

Томины каблучки заскрежетали металлическими набойками по выскобленному кафелю. Она подошла к Степану и присела на стул, где ранее сидела Наталия.

— Стенька, здорова!

Степан лишь кивнул головой, не поворачиваясь.

— Знаешь, что люди говорят? Что за кашу у нас сегодня премия будет. Главврач хотел каждому печенья выдать. В честь нового года.

Степан всегда имел резерв сил для того, чтобы саркастически улыбнуться.

— Я, конечно, понимаю, что тебе ни каши, ни печенья не надо. Но ты же мог бы заработать печенье для кого-то другого.

Новая улыбка озарила изувеченное голодом лицо Степана. Тома продолжила:

— Я вот сегодня после смены пойду с одним кавалером в парк. Там рядом приют есть, для деток который. А что будет, если я твое печенье им отдам, а? Как думаешь?

Степан вздохнул.

— Они же печенье только раз в году видят. И то, если государство выделит. А с выделениями у

государства плохо, ты и сам знаешь, не первый день живешь.

Ее рука прошла от плеча Степана до его локтя.

— Стенька. Праздник же. Дети. Что тебе стоит?

Степан повернулся в ее сторону и сдался в плен своими полными слез глазами.

— Не могу! — прошептал он.

Тома вздохнула.

— Ну а чай-то сможешь? Я договорюсь с Федором Никитовичем, он для тебя чай за кашу посчитает. Сделай полезное дело, помоги сиротке, хорошо? Давай. Ой, он холодный совсем... Сейчас нагрēju, не убегай.

Тома взяла чашку, зашла на кухню, повелевающим жестом запретила поварихе протестовать, схватила чайную ложку из сахарницы и спешно набросала в чашку ложек пять сахара. Быстренько размешав сахар, она вернулась к Степану и поставила чашку перед ним.

— Почти килограмм печенья для сироток сейчас в твоих руках. Мы же должны им помогать, верно?

Степан грустно кивнул и приложил ладони к чашке, стараясь оценить соотношение своего глотка и количества чая.

— Половину? — слабым голосом спросил он.

— Весь!

Он поднял чашку, используя рычаги своих костей, подался головой вперед, навстречу напитку, неловко фыркнул и расплескал несколько капель на стол. Послышалось бульканье пересохшего горла, короткие неловкие глотки отправляли чай в недра утробы, которую можно было насквозь просветить настольной лампой. Когда до дна чашки осталось всего несколько капель, он оторвал ее от губ и, чувствуя невероятную усталость, избавил свои пальцы от этой ноши. Тома довольно замурчала, погладила Степана по голове и прошептала:

— Солдат! Мужчина!

Степан только закатил глаза в ответ, усилием воли стараясь избавиться от сладкого привкуса во рту. Его кадык продолжал двигаться вверх-вниз, имитируя движение лифта в оживленном здании, унося последние воспоминания о чае поглубже в нутро.

Тома вскинула руку и наигранно удивилась:

— Святой еретик, почти девять часов! Обход уже вот-вот начнется! Стенька, давай живет в палату!

Она помогла пациенту встать и провела его в коридор, в темном углу которого пряталась Наталия, выжидая, пока Степан покинет помещение. Та не могла смотреть в его умирающие глаза без внутренней дрожи, дрожи человека,

который ощущает свою вину перед озером за то, что наступила зима, и тому придется замерзнуть.

Тома придала Степану ускорение в направлении его палаты и в назидание добавила:

— На укол жду тебя сразу после обхода!

Степан кивнул всей верхней частью тела и пошел в палату. Халат выглядел на нем так, словно был повешен на вешалку. Он долго *«побирался у стены»*, прося у нее поддержки и помощи в своем нелегком пути, пока не ощутил лицом поток холода, струившийся из его палаты. Там его встретила аккуратно заправленная, на солдатский манер, кровать с чистым бельем, которое в его отсутствие заменила баба Нина. Степан на несколько шагов лишился бесстрастной поддержки стены и, стараясь не заваливаться в сторону, сделал несколько пружинистых шагов, чтобы поскорее оторваться от *«больно давившего в ноги пола»*. Он рухнул на кровать и блаженно закрыл глаза. В ближайшие тридцать минут его никто не побеспокоит, так как его палата была одной из последних при еженедельном обходе. Суставы, ощутив изменение вектора давления, *«начали что-то петь о свободе»*. Тонкие ниточки оставшихся на его теле мышц принялись содрогаться в судорогах после тяжелых нагрузок. Живот неприятно надулся от чашки чая, которая заполнила все внутреннее пространство

пищеварительных органов, и мешал найти удобное положение. Но через пару минут веки Степана ощутили «смолистую липучесть» из-за всех увиденных этим утром образов, похожих на «черно-белые рисунки, нарисованные цветными карандашами», которые копошились в его сознании, набегаая друг на друга. Вскоре он уснул.

Одеяло сна было бесцеремонно сдернуто с него вошедшими докторами. Первым был Федор Никитович, а второго Степан увидел впервые в жизни.

— Так-с. Палата четыреста семь. Здесь у нас Степан Разин, — деловито перелистывая личное дело пациента, сообщил главврач своему коллеге.

У молодого врача округлились глаза.

— Даже такие у вас есть? Ничего себе.

— Да нет, это его настоящее имя. Родители выдались у него специфические, — хмыкнул Федор Никитович.

Степан пытался навести резкость на молодом докторе, но туман сонливости не желал рассеиваться.

— У данного пациента определена копрофобия в очень острой и сложной форме, тяжелый невроз, — деловито продолжил Федор Никитович. — Этиология заболевания — детская травма. Мои коллеги склонны высказывать мнение о пренатальных факторах, но я лично считаю, что

патогенез напрямую связан с действиями родителей, когда пациенту было три-четыре года. Что еще сказать... Назначены медикаментозное лечение и психологическая терапия, которые действия не возымели никакого. Лекарства этому пациенту я отменил. Прогноз, скажу вам честно, неуте...

— Кхе... Федор Никитович, может не при пациенте, все же?

— Хм. Ну, вы правы. Правда, Степану нашему... А, ладно. Разберетесь, — взгляд главврача скользнул по палате и остановился на дерзнувших покуситься на его авторитет миске с чашкой, которые стояли на столе. — А это почему здесь?

Степан не понял, что вопрос был задан ему, поэтому даже не повернул голову.

— Степан?!

— М? — он сделал пол оборота головой.

— Я же ясно распорядился не иметь никакой личной посуды! Почему у вас посуда на столе?

— Не знаю, это не моя.

— А чья? Моя что ли?

Степан вновь промолчал.

— Я выясню, Федор Никитович, — решил поискать компромисс молодой врач.

— Ну ладно, выясняйте. И помните, личные вещи запрещены.

Доктора, обтирая халатами зеленые стены, направились к выходу.

— Как видите, Егор, буйных у нас нет. Потому, можете начинать с кого сами захотите.

Молодой доктор, Егор, ответил уже в коридоре:

— Да в той же последовательности и пойду. Так проще. Системно.

— Ходите!

После этих слов два мужских голоса поломались и рассыпались в хитросплетениях больничного коридора, оставив после себя только запах утреннего одеколона и выкуренной в форточку сигареты.

Сон Степана скрылся из виду, *«подобно пугливому оленю в лесной чаще»*. Недосказанные доктором слова о неутешительном прогнозе влились в мутное сознание больного и стали оседать на дно противной глинистой массой. Он задумался о смысле этих слов. Неутешительный для кого? Для врачей, которым придется писать отчет о том, почему больной преставился, на ночь глядя? Или для самого пациента, жизнь которого состоит из сплошного кошмара, а будущего у него просто нет? Эти слова родились под влиянием опасений получить выговор и проверку, или продиктованы обычным человеческим состраданием? Федор Никитович никогда не слыл сентиментальным

человеком, свою работу он любил только в те моменты, когда подходил к больничной кассе за зарплатой, попутно стараясь не попасться на глаза многочисленным кредиторам. Не далее чем этим летом в женском отделении случился досадный инцидент, когда одна из больных принялась протестовать против назначенного главврачом лечения и объявила голодовку, требуя аудиенции с ним. Главврач проводил переговоры с ней сквозь лючок для наблюдений, а когда дипломатия себя исчерпала, в ход был брошен спецназ в виде санитаря Володьки, которому было приказано ликвидировать террористическую угрозу. Володька, подобно танку, принялся крушить оборонительные сооружения протестующей. Снаряды в виде тапочек, трусов и носков больной отскакивали от его брони словно нелегалы от полицейской облавы. Володька образцово провел блицкриг согласно лучшим военным традициям, однако его опрометчивость в поведении с пленными сыграло с ним дурную шутку. Больная, воспользовавшись тем, что Володька держал ее слабо, изогнулась и вцепилась зубами в его мизинец. Дурные крики и брызги слюны сопровождалась тяжелыми ударами его кулаков по ее лицу. Но упорство взбешенной больной не знало границ, и решить ситуацию помог только мощный удар Володькиным коленом ей под дых. Итогами

военной кампании стали прокушенный палец санитаря, избитая пациентка, восемь пузырьков валерианы, которыми отпаивался весь персонал отделения, а также строгий выговор главврачу из министерства. После этого в клинике был введен усиленный режим, Володька же получил в качестве компенсации бесплатные антибиотики от министерства и два пузыря водки от Федора Никитовича. Сам главврач и вовсе перестал вникать в проблемы своего отделения и вести сколь-нибудь вдумчивые диалоги с пациентами. Они стали для него если не врагами, то в лучшем случае нейтральной стороной.

Степан решил прокрутить эти воспоминания в своей голове лишь затем, чтобы отвлечься от холода, который вновь стал донимать своей настойчивостью. Линия сражения холода из окна с теплом из коридора проходила уже на пороге его палаты. За линией фронта обе стороны получали существенную тыловую поддержку, потому бои проходили с переменным успехом, а новые территории не были захвачены ни одной из воюющих сторон. Но сам Степан находился на землях, контролируемых холодом. Военачальник из него был отличный, но гуманными соображениями холод не баловал и пленных не брал, потому *«тысячи маленьких солдатиков его армии принялись терзать бока»* Степана в надежде, что

он вскоре объявит безоговорочную капитуляцию.

— Степан, позвольте?

Степан вынырнул из своих миражей и повернул голову к входу. На пороге стоял молодой доктор Егор и дружелюбно улыбался. Ладонь Степана изогнулась в позволительном жесте и тут же вернулась отдыхать на живот хозяина.

Егор сделал пару шагов по палате и тут же поежился.

— Откуда это такой холод? — недоумевающим голосом поинтересовался он.

— Оттуда, — ответил Степан, глядя в окно.

— У вас батареи не топят? — Егор подошел к окну и прикоснулся к батарее. — Холодная. Непорядок. Сегодня же разберемся. Да и из окна прилично дует, кошмар. Не волнуйтесь, Степан, сегодня все починим. Я к вам пришел познакомиться. Меня зовут Егор Матвеевич, я буду помогать Федору Никитовичу и вести вас по пути выздоровления. У вас есть желание поговорить сейчас?

Степан опустил уголки губ вниз, мол, все равно.

— Ну, тогда давайте поговорим. Я хочу узнать вашу историю, — Егор Матвеевич обошел кровать и водрузился на табуретку рядом со столом. — Кстати, посуда-то действительно запрещена.

— Наверное... — голос Степана был вялым.

— Итак, Степан Разин. Расскажите мне о себе.

Пациент скривил губы. Его ладонь вновь поднялась вверх, и палец указал на личное дело в руках доктора.

— Там написано все. Уже много раз рассказывал.

— Знаете, Степан, ни одна бумажка не заменит мне голос живого человека.

— Живого... — саркастическая улыбка заиграла на лице допрашиваемого пациента.

— Конечно, живого. Я пролистал ваше дело, и знаете, мне кажется, что мы найдем выход из вашей ситуации. Вы у нас какого года рождения? — доктор открыл бумаги и осекся. — Эмм... Вам... двадцать пять лет?

Егор вдруг вспомнил виденные в детстве фотографии концлагерей и их жертв. Перед ним лежало тело, ничуть не отличавшееся от тех образов, которые были запечатлены в документальных кадрах. Сухая сморщенная кожа, торчащие клочки волос на лысеющей голове, огромные желтые кратеры вместо глазных впадин, острые скулы — все это имело нежизнеспособный вид. Поначалу доктор решил, что Степану никак не меньше сорока лет.

— Наверное, — шепнул больной.

— После лечения у нас поедете в санаторий, позагорать вам надо, — попытался было пошутить

доктор.

— Мне и тут хорошо. Света много.

Егор Матвеевич опять поежился, прогоняя дурное ассоциативное наваждение.

— Степан, вы же не будете у нас всю жизнь лечиться. Вы молоды, у вас все впереди. Вот, я вижу в вашем деле, что вы в детстве хотели строить ракеты. Расскажите, откуда у вас интерес к этому?

Когда-то Степан был открытым дружелюбным человеком, и обижать других людей пренебрежительным отношением он так и не научился. Потому он немного приподнялся на локтях, чтобы положить голову повыше на подушке, и принялся искать *«в своем уменьшенном до размера палаты сознании»* эмоциональный ресурс, необходимый для разговора с молодым доктором. Нужные слова с трудом подворачивались под язык, речевые обороты, которые раньше блистательно соединялись из цветных кусочков в гармоничную красивую мозаику повествования, не появлялись, несмотря на его призывы. Поэтому даже самые примитивные фразы Степану приходилось долго обдумывать, прежде чем выпустить в этот мир. Не так давно он, скорее, сгорел бы от стыда в полном молчании, чем позволил себе сказать что-нибудь столь банальное и обыденное. Однако сегодня внутренний фонтан ярких мыслей иссяк, превратившись в надоедливую

капель, горькую на вкус.

— Я учился... Пошел учиться на конструктора ракетных двигателей. Мне это было интересно. Получалось. С детства рисовал всякие ракеты и корабли. Хотел запускать их на Юпитер. В школе математика была хорошо... Олимпиады, медаль.

— Вам нравится космос?

— Да. Я много чего читал о нем, всякие открытия... Следил... — голос Степана был похож на отдаляющееся эхо в глубине бесконечной пещеры.

— Вы можете представить, насколько он большой?

— Да. Но лучше выходит представлять, какой я маленький.

Егор Матвеевич улыбнулся.

— Это относительно, вы же знаете. Вот, например, нейтрино. Это же просто потрясающе. У нас, на медицинском факультете, этому не учат, а стоило бы. Триллионы частиц проходят через каждый сантиметр тела. Они такие маленькие, но все же такие значимые!

— Нейтрино более важны для природы, чем люди... — странным взглядом посмотрел Степан на молодого доктора.

— Но не важнее, чем жизнь.

— А какая в ней важность?.. — сухие губы

Степана с трудом раздвигались, выталкивая новую порцию слов.

Егор Матвеевич пожал плечами.

— Я считаю, что жизнь — это самый эффективный и, если угодно, эффективный метод преобразования и использования энергии. Вот это и есть то, что важно. Вы можете привести другой пример такого же использования энергии?

Степан коротко махнул головой.

— Вы правы, Степан, нет другого примера. И быть не может. Потому что жизнь есть эволюция развития энергии. Без жизни она не обретет определенных важных форм. Да и вообще, задумайтесь. Вот есть огромные звезды, которые будут недосыгаемы без ваших ракет. Они каждую секунду используют сотни тонн вещества для того, чтобы получить энергию из массы. Они выделяют колоссальное количество тепла и света, но они не могут осознать этого. А вы можете. Причем, можете это сделать, используя энергию, которую та же звезда и преобразовала. А вы — следующий этап преобразования этой энергии. Понимаете, мы, конечно, ничтожны в космических масштабах. Но мы великолепны тем, что можем использовать энергию для осознания всей грандиозности нашей Вселенной.

— Жуки вон тоже используют энергию... — уныло ответил Степан.

— Верно, но и жуки, и мы — продукт эволюции. Без них не было бы нас. Потому они есть.

— Жуки есть только для того, чтобы мы были?

— Нет, конечно. Это было бы слишком самоуверенно. Но они также ступень эволюции энергии. В общем, ступеней этих очень много, но цель у всего этого действия одна — осознать, используя ту же энергию, которая родилась в звездах. Вы знаете, что такое фотосинтез?

Степан кивнул.

— А откуда берется дождь, знаете?

— Баба Нина говорит, что это Бог плачет из-за наших грехов.

Егор Матвеевич фыркнул.

— Ну, это ее право. Но вы же ученый. Наверняка знаете.

— Да... Солнце нагревает воду, и она поднимается вверх в виде пара.

— Именно. А дождевая вода питает почву и растения, которыми питаемся мы. Получается, что обычный картофель, к примеру, который мы постоянно употребляем в пищу, начисто состоит из энергии Солнца. Верно?

— Получается, что да.

— А вы, Степан, человек, призванный космосом строить машины для его покорения,

инженер с высшим образованием, будущее нашей планеты, вот так запросто отказались преобразовывать энергию звезд. Как это может быть?

Степан скривился. Он понял, к чему клонил молодой доктор, но следующая фаза этого разговора не доставит больному никакого удовольствия. Степан ненавидел, когда доктора начинали *«вбивать колышки в его сознание, чтобы по ним искать дорогу к свету»*.

— Я не против еды... Я не люблю... ее переваривать...

— Вы говорили, что ваша мать однажды сказала...

— ...что я состою из дерьма, что ничего другого не могу произвести. Что я ее позорю... — перебил, а вернее перерубил речь доктора Степан внезапно наполнившимся гневом голосом.

— Вы хорошо помните этот день?

— Хорошо помню.

— А кем она работала? Этого нет в вашем деле.

— И сейчас работает. Бухгалтером на заводе.

Егор Матвеевич потер рукой лоб и вздохнул.

— Она приходит вас навестить?

— Ни разу еще не пришла.

— А вы хотите ее видеть?

Степан вздрогнул. Ему вдруг стало очень

одинок и неуютно рядом с этим молодым человеком. Он повернулся к нему лицом с выражением, полным мольбы прекратить этот разговор. Но Егор Матвеевич не внял этой легко читаемой эмоции и лишь потер штанину своих брюк обратной стороной дешевой пластиковой ручки. Он внимательно смотрел Степану в глаза, стараясь приблизиться к своему пациенту, нащупать острые выступы его подсознания, которые столько лет калечат его изнутри. Ему необходимо было срезать эти бесполезные наросты, но как врач он понимал, что сделаны они из очень крепкого материала.

Степан не стал отвечать.

— Хорошо, Степан, — сказал Егор Матвеевич, — мы и без нее обойдемся. Вы говорите, значит, что она была бухгалтером. И сейчас бухгалтер. А почему за столько лет она не поднялась выше по карьерной лестнице?

Пациент снова не спешил отвечать. Он схватился пальцами за край одеяла и принялся тереть его, как волк терзает свою добычу. Его губы смялись и провалились в рот, *«желая расстись и потерять способность ронять слова»*.

— Вы помните, как она приходила домой злая и уставшая?

Степан обрадовался тому, что можно было ответить молча. Он кивнул.

— Значит, работа у нее была тяжелая?

— Не знаю...

— Ну как же, вы наверняка слышали, как она ругает начальство, коллег, подчиненных. Заводы большие, работников много, отчеты, бюджет...

— Наверное...

— И ее тоже ругали, наверное, часто? — не унимался Егор Матвеевич.

— Бывало.

Егор обрадовался.

— Это значит, что она ошибалась, Степан. Это значит, что она не всегда была права.

Издалека раздалась барабанная дробь каблучков. Они спешно выбывали первобытный ритм погони охотника за его жертвой. Еще до того, как Тома успела появиться в дверном проеме, ее красные губы забросали палату Степана возмущенными словами:

— Стенька, раз туда твою! Я что тебе велела сделать? Я тебя жду не в игры играть! Капельницу надо ставить! — Тома, *«влекомая своей грудью, вспыхнула на пороге палаты»*. Она не сразу заметила, что Степан там не один, и продолжила отчитывать пациента:

— Мне потом главврач дисциплину впаяет и премии лишит! О!..

Егор останавливающим жестом руки отразил последнее предложение и наконец заставил

молодую медсестру заметить его присутствие в помещении.

— А вы кто? — губы Тома, прежде, чем улыбнуться, вытянулись в две строгих шеренги.

— Да я, собственно, Егор Матвеевич Затемин, новый врач. А вы, смею предположить, Тома, медсестра? — молодой доктор принял свой самый важный и серьезный вид.

— Да... Я... Сестра...

— Тамара...?

— Васильевна.

— Очень приятно, Тамара Васильевна. Будьте добры извинить Степана, это я его задерживаю. Мы с ним знакомимся и ищем общие интересы.

— Эмм... Да, Егор Мат... веевич, я поняла... — она никак не могла собраться с мыслями и почувствовала, что потеряла инициативу, *«долго пытаюсь найти на шахматной доске фигуру»*, которая заставила бы оппонента отвлечься от субординации и отметить ее внешние данные. Но Егор Матвеевич строго смотрел в ее большие зеленые глаза и не собирался ощупывать взглядом иные достопримечательности.

Сознание Степана нарисовало тонкий аккуратный стол с острыми гранями, бегущими параллельно по воле геометрии. *«Столешиница едва заметно прогибалась под давлением атмосферного столба»*. Рядом с ним стояли два черных

стульчика, отставленные под гостеприимным углом, приглашая молодого доктора и Тому сразиться в незамысловатой партии, где приходилось руководствоваться не шахматной стратегией, а характером. На столе строгими рядами стояли шахматные фигуры с выгравированными на них словами, предложениями, вопросами. Пустующие клетки игровой доски, разделенные линиями, грозились объять одиночеством каждую фигуру, которая на них встанет. Но Тома ненавидела одиночество. Она решила играть белыми.

— А вы разве не четвертого января должны были выйти на работу? — наконец-то решилась она передвинуть белую пешку вперед.

— Должен был, но мне захотелось познакомиться с отделением, чтобы четвертого приступить с полной самоотдачей, — доктор не стал трогать свои фигуры и отдал право следующего хода Томе.

Она прикоснулась плечиком к открытой двери и выставила ножку, вооруженную новыми красивыми туфлями, вперед, демонстрируя некоторые детали своего арсенала.

Медсестра решила сделать смелый ход ладьей:

— А новый год вы с нами будете встречать?

Егор Матвеевич неспешно поднял правую

руку, и, медленно подавая ее вперед, прихватил по пути королеву. Черная грозная фигура нерешительно зависла над белой ладьей, словно решая как ударить — сломать спину одним ударом, или рухнуть рядом, обдавая врага градом осколков. Тома с ужасом смотрела на надвигающуюся к ее фигуре тень, косилась на шахматные часы и почувствовала, что ее дыхание перехватило. Королева обрушилась напрямик на ладью, заставив белую фигуру вылететь с шахматной доски и завалиться куда-то под стол. Тома увидела на безымянном пальце правой руки Егора Матвеевича блестящее желтое кольцо.

— Вы знаете, у меня будут кое-какие дела. Так что нет, спасибо, — глаза молодого доктора с прищуром смотрели поверх своих фигур на растоптанную стратегию оппонента.

Тома поджала губы и отвернулась.

— Тамара Васильевна, — Егор Матвеевич дотянулся до уже походившей белой пешки Тома, и поставил ее обратно, — вы не знаете, почему у пациента в палате вопреки правилам и наставлениям главного врача на столе стоит посуда? Это запрещено.

Тома гневно осмотрела шахматную доску и с затуманенным взглядом подняла фигуру коня.

— Понятия не имею, Егор Матвеевич.

— Будьте добры убраться. И уделите,

пожалуйста, внимание аспекту распоряжений главного врача в будущем.

— Конечно, Егор Матвеевич, я постараюсь, — Тома швырнула фигуру коня в грудь Егору Матвеевичу.

Она схватила другого коня и принялась хаотично стучать им по разным клеткам, отказываясь повиноваться простому правилу, которому обязаны подчиняться все игроки.

— Еще что-нибудь, Егор Матвеевич? — Тома сжимала в руках миску и чашку.

— Да, а еще разыщите, пожалуйста, слесаря и сантехника. В палате у Степана очень холодно, следует разобраться, что не так с батареей и окном.

Тома уставилась на шахматную доску, на поваленные фигуры, на одиноко стоящую посреди доски черную королеву, на невозмутимый взгляд оппонента.

— Я не думаю, что они тридцать первого декабря найдутся.

Доктор удивленно посмотрел на часы:

— Еще двенадцати часов нет. Рабочий день в разгаре.

Тома схватила шахматную доску и бросила ее прямо в голову Егору Матвеевичу.

— Я передам ваше распоряжение. До встречи.

Каблучки спешно убегали с поля боя. Егор почесал затылок, хмыкнул и повернулся к Степану,

который без удовольствия наблюдал это сражение и ни за кого не болел. Ему хотелось, чтобы оно длилось подольше, чтобы о самом Степане забыли, и все вопросы стали больше не нужны. Но молодой доктор вновь принялся в задумчивости чесать ногу шариковой ручкой.

— Степан, Степан, Степан... — мямлил он под нос имя своего собеседника.

Степан вздохнул.

— Да, так вот. Мы остановились с вами на том, что ваша мать была не права. Вы это помните? Помните, что я сказал?

Степан кивнул.

— Без сомнения, Степан, все мы люди и все ошибаемся. Некоторые ошибки нам не стоят ничего, но за некоторые приходится платить очень большую цену. Помните, сколько ошибок совершил Королев со своими коллегами, прежде чем им удалось сделать успешный запуск ракеты? Вот. Так он был гений! И даже он ошибался. Что уж говорить о нас, о простых людях, докторам, бухгалтерам?..

Степан заерзал под одеялом.

— Я скоро буду идти, Степан, не волнуйтесь. Для первого знакомства нам вполне достаточно впечатлений друг о друге. Но я хотел бы еще раз подчеркнуть то самое важное, к чему мы пришли сегодня. Ваша мама ошиблась. Запомните,

пожалуйста, это. А теперь собирайтесь в процедурную, витамины обязательно нужно получить. В новый год без витаминов, как говорится, лучше и не соваться.

Егор поднялся на ноги и подошел к Степану. Его рука коснулась плеча пациента, словно бы он *«хотел сказать что-то очень важное, но сам позабыл, что именно»*.

— Не прощаемся, Степан, — сказал Егор Матвеевич и вышел из палаты.

Степан еще целых десять минут лежал без движения, собираясь с духом. Его тело искало опоры, чью-нибудь добрую теплую руку, которая подала бы ему *«милостыню силы»*, которой хватило бы для того, чтобы подняться. Но стены вокруг него подавали только *«милостыню молчания»*, не собираясь участвовать в его жизни. Он свесил одну ногу с края кровати, принялся переворачиваться на бок, надеясь, что в его боках еще достаточно сил, чтобы оторваться от вертикальной плоскости. Кое-как присев, он отдышался, подогнул ноги под кровать и закрыл глаза. Мысленно он начал натягивать внутри себя большую пружину, которая, растягиваясь обратно, выстрелила бы им самим прочь из палаты. Пружина пронзительно засвистела и, грянув аккордом из похоронного марша, лопнула сразу в нескольких местах. Степан не мог подняться.

В коридоре то и дело сновали тени, крадучись, словно мыши под плинтусом. Такие же пациенты, как и он, больные серостью, безысходностью, безнадегой, полные тоски и разочарования в глазах. Никто из них заглядывал в палату, равно как и он сам никогда не смотрел в их палаты. Он не мог попросить их о помощи, ведь входить в чужую палату было запрещено всем, кроме персонала. Степан даже не мог запомнить их имена, хотя бы кого-нибудь из них, завести что-то похожее на дружбу, или, по меньшей мере, знакомство. Они ему просто не были нужны. И вот эти серые тени носятся по коридору, *«словно опавшие листья, ожидая, куда дворник не сгребет их в кучу и не бросит в них ворох горящих газет с тем, чтобы дым известил округу о наступлении зимы»*. Между осенних листьев простучали капельками дождя по крыше Томины каблучки. Она заглянула в палату Степана, опять поджала губки и скрылась за поворотом.

Спустя минуту в ноги Степана уперлась ступенька от инвалидной коляски. Откуда-то сверху, из-за декольте и распущенных волос, из-за поджатых красных губ и гордо вздернутого носика на Степана смотрели глаза Томи, и ее молчание было более красноречивым, чем все слова, сказанные в этой больнице за все утро. Она помогла пациенту пересест в коляску и покатила его по

коридору, окуная в тепло отапливаемого помещения после холодной пытки в палате. Степану казалось, что он находится в гоночном автомобиле, а Тома — пилот. Она наезжала на *«ворохи сухих листьев»*, заставляя их разлетаться. Она жгла резину на повороте, выдирая клочки истлевшего линолеума. Она резко сбросила скорость и выжала сцепление, едва Степан пересек границу ее земель. Здесь она была хозяйкой, и если бы не скромные размеры процедурной, никогда бы не *«соблюдала в ней скоростной режим»*.

Тома напевала под нос веселую популярную песенку, *«обламывая головы ампулам»*. Вскоре игла, преодолев тугий барьер резиновой крышечки, впрыснула в бутылку ювелирно тонкую струю смешанных препаратов. Капельница была готова. Пока Тома мастерила узел из жгута и руки Степана, он ощутил, что ему нечем дышать.

— Качай кулачок, Стенька, — потребовала Тома.

Мышцы его кисти были *«слабее, чем сердце котенка»*, а потому он сподобился лишь пару раз сжать руку в кулак, после чего безжизненные пальцы начали указывать на пол. Вены на его локтевом изгибе были спрятаны надежнее, нежели деньги в швейцарском банке. Несколько ударов пальцами по локтевому изгибу не позволили ей определить то место, куда игла могла бы войти и

достигнуть цели.

— Крепкий ты орешек, Стенка...

— Я его тень...

— Кого? — не поняла Тома.

— Степана...

— Знаешь что, тень. Передай Степану, что сейчас я ему капельницу в язык поставлю.

Степан улыбнулся.

— Прошлый раз в ногу кололи. Там есть место одно.

— Баба Нина даже медузе капельницу поставит, — отметила Тома.

— Она ее сначала молиться научит и заставит...

Тома звонко рассмеялась.

— Давай сюда свою ногу, — с этими словами она закатила штанину и принялась внимательно осматривать его кожу, похожую на лунную поверхность, испещренную синяками, словно кратерами.

Вскоре уголков ее губ коснулась хитрая улыбка. Пальцы привычным движением выудили откуда-то влажную ватку, протерли место будущей встречи иглы и кожи и потянулись за капельницей. Степан вздохнул и закрыл глаза.

— А где печенье? — спросил он, чтобы отвлечься от грядущего укола.

— А? Какое печенье?

— Которое детям. Которое я сегодня заработал для них.

— Ах, это печенье... Это печенье я уже передала через нашего шофера. Он как раз в тот район поехал, ну и я подумала — чего детишкам до вечера ждать. Уверена, они будут рады! А на пачке я написала: «От Стеньки Разина!»

— Знали бы они, кто это такой...

Тома посмотрела в его глаза.

— Главное, что ты это знаешь. Тут почти никто не знает, кто он такой. А ты вот знаешь. Вот и все. Лежи теперь, питайся, — она отрегулировала *«скорость вспыхивания искр в системе»* и подошла к своему столу. Там она переложила с места на место несколько листочков, как вдруг вздрогнула от того, что увидела кого-то в дверном проеме.

Это был молодой доктор, Егор Матвеевич, который, улыбаясь, смотрел то на нее, то на Степана.

— Тамара Васильевна! — бодро отчеканил он. — Зашел убедиться, что Степан прибыл на место проведения витаминной терапии. Можно вас на минуточку?

Степан открыл глаза и увидел, что Егор Матвеевич ему подмигнул. Тома подняла подбородок повыше.

— Сейчас подойду, я занята! — заявила она.

— Хорошо, я на посту вас подожду, — молодой доктор сделал короткое движение подбородком и исчез.

Тома взяла паузу только для того, чтобы решить, какие шахматные фигуры надо оставить на доске — одну королеву, одну пешку, одну ладью, либо сплошь заставить ее конями. Но она была отходчивой, а потому решила дать этому мальчишке еще один шанс. Она занесла над доской ладью, ступая тихо, словно боясь ее опрокинуть. Никогда еще пол на ее рабочем месте не видел, чтобы Тома кралась, как кошка. *«Измученно уставившись на нее протертыми глазами, линолеум улыбался ей прямоугольной улыбкой-заплаткой»*.

Степан опять закрыл глаза и спешно погрузился в пучину своей обычной слабости и головокружения. Сначала его сознание болталось по илистому дну, пока, наконец, ему не удалось зацепиться за какие-то острые камни и замереть на несколько минут, давая волю своей фантазии. Свежая струя из капельницы приятно холодила вену на ноге, и Степану показалось, будто руки наливаются металлом, становятся твердыми и крепкими. Мышцы превращаются в густо смазанные шестеренки, утяжеляются от внезапно появившейся в них силы. Все тело начинает прогрессировать, кости заменяются на титановые

штифты, зубы обретают твердость камня, ногти покрываются тонким слоем острой керамики. В его пальцах из воздуха появляется карандаш, и вот он уже стоит перед чертежами и заканчивает проводить последние расчеты в сложнейших схемах и формулах своего нового революционного ракетного двигателя, который сможет доставить полезный груз на другие планеты, используя всего лишь два килограмма топлива. Вместо внутренних органов в нем гудят совершенные аккумуляторы, снабжающие его блестящий ум огромным количеством энергии. Вместо языка формируется база данных, в которой накопились все знания человечества. Ему доступны любые ответы на любые вопросы, стоит лишь произнести их вслух. Он помнит расстояния до каждой звезды в своей галактике, и может провести сложные расчеты траекторий «гравитационной пращи» в уме. Пол в его лаборатории начинает прогибаться, не выдерживая тяжести этого сверхорганизма, вершины эволюции разума, который использует энергию звезд самым рациональным из возможных способов. Дыхание становится легким, он даже не затрачивает на это усилий — воздух сам врывается в его легкие, вентилирует их, охлаждает радиаторы и эффективно отводит лишнее тепло. Он стал совершенной машиной, созданной, чтобы изобретать, презрительно оглядываясь на

человеческие потребности и слабости.

Вдруг в своем организме он ощутил какое-то странное волнение. Одна из шестеренок потеряла зуб и принялась стучать, прокручиваясь на миллиметр больше, чем следовало бы. Тонкий механизм дал сбой, его чертежи моментально потускнели, формулы запестрели многочисленными красными правками, и вот в результате пробного полета его корабль улетает не к звездам, а, сделав кривой оборот вокруг Земли, устремляется напрямик в ее атмосферу. Нос корабля, нерассчитанный для сопротивления плотным газовым потокам, мгновенно воспламеняется и разваливается. Следующими сгорают астронавты, которые уже попрощались с Землей и собрались покорять чужие далекие миры. После того, как от экипажа осталось лишь облачко пара, начал гореть двигатель — идеальный шедевр инженерной мысли, произведение математического искусства. Вся кампания заканчивается огромным взрывом, под которым оказались похороненными и будущее Степана, и его прошлое, да и он сам.

Степан проснулся от сильного взрыва и открыл глаза, испуганно оглядываясь. С потолка, словно хлопья снега, летела штукатурка, окна визжали и тряслись под напором неведомой взрывной волны. Посреди процедурной *«собиралась взорваться сверхновая звезда, и как*

раз в этот момент ее вещество коллапсировало внутрь себя же» .

Тома гневно топала ножкой и проклинала Егора Матвеевича. Ее халат сложился на спине складками, напоминая меха аккордеона, тогда как руки старались перебороть тремор и собрать ручейки золотистых волос в аккуратную прическу.

— Волосы убрать? Не положено? Я тебе покажу волосы! — *«шипел и плевался вулкан, извергая в пространство тонны пепла и магмы»* . — Я тебе сделаю дежурство! Для тебя же, дурака, и распустила!

Степан все еще пытался понять, что произошло, и робко спросил об этом.

— Да как что! — два ярких прожектора ее глаз впились в физиономию Степана, и он тут же пожалел, что задал этот вопрос. — Эта выскочка решила поиграть в начальника! Он мне! МНЕ! Сделал замечание по поводу моего внешнего вида! Стенька! Ну что же вы, мужики, все такие сволочи?!

Степан ошарашено смотрел на Тому.

— И не надо мне тут глазки строить! Вы все одной породы! Сначала подмигнет, а потом строит из себя начальника! Ненавижу!

Степан опустил голову и выдохнул. В этот раз смерть его миновала. Он знал, что океан по имени Тома не умеет долго делать девятибалльный шторм.

После того, как все рыбацкие лодки пойдут ко дну, а волны сдерут с пляжей песок вместе с отдыхающими, напор ветра резко пойдет на спад, а через несколько минут выглянет солнце.

— Разлегся мне тут! — уже без былой ярости выпалила Тома и подошла посмотреть, сколько еще осталось препарата в капельнице. — Уже почти все. Надоело мне тут с вами. Хочу домой скорее.

Степан смотрел на ее красивое белоснежное ангельское лицо и улыбался. Ему нравились эти перемены, нравилась горячая импульсивность, нравилось окунаться то в прорубь, то в кипяток ее настроения. Нравилось наблюдать за ней.

— Что ты тут лыбишься мне? Все, выпил ты свое! — она вытянула иголку и прилепила кусочек ватки на пластыре на место укола. — Полежи пять минут и дуй к себе. Обед через час. А я пока найду сантехника. Натравлю его на этого козла.

Тома бросила систему в умывальник, сняла перчатки, поправила халат и *«сломала кисть дверной ручке, вывернув ее до упора»*. Степан еще долго слышал ее шаги, удаляющиеся *«в недрах огромного зверя, который никак не мог переварить всех обитателей»*. Выждав чуть дольше, чем Тома просила, Степан принялся составлять план того, как ему встать и добраться до своей палаты. Однако к его удивлению, он вдруг резко поднял свое тело над кушеткой, практически не используя почти

исчерпанные внутренние резервы. Долго не раздумывая, он поднялся на ноги, и хоть головокружение все еще ощущалось, его конечности принялись сами отмерять клеточки линолеума в направлении выхода. Сначала ему пришлось наступать на каждую клетку, потом он смог увеличить это расстояние до двух. А возле двери ему покорились вершина из трех клеток, которые он перешагнул довольно легко.

Степан понял, что виновниками таких перемен были витамины, которые Тома в него влила. Эти перемены одновременно радовали его и расстраивали. Очень приятно было двигаться самостоятельно, не собирая пыль со стен, но даже за это скромное подаяние его организму он вскоре заплатит суровую несоизмеримую цену. Он вздохнул и поплелся в свою палату, расположенную *«где-то в лесу на другом материке»*.

По пути в палату от Степана отшатнулся Федор Никитович. Доктор странно посмотрел на пациента, вытер рукавом рот и обошел преграду, бормоча под нос чьи-то фамилии. Степан, не поворачивая головы, *«сверился с картой»* — покосился на пост и определил, что его палата находится в правом крыле. Рядом с постом, на котором *«не хватало вооруженного караульного»*, располагалась комната отдыха, призванная

скрасить постылую жизнь пациентов и отвлечь их от мыслей о самоубийстве. По крайней мере, те, кто создавал интерьер этой комнаты, считали, что все пациенты думают о самоубийстве, о чем красноречиво свидетельствовал плакат, одиноко висевший между зарешеченными окнами. Сам по себе плакат напоминал Степану висельника, от чего лечебно-исцеляющий эффект сходил на «нет». На плакате черными красками были выведены буквы, контуры которых расплылись и заставляли всех, кто на них смотрел, похлопать себя по карманам в поисках очков. Надпись гласила: «Суицид — не пестицид, не лечит, а калечит».

Под этим плакатом одиноким заброшенным судном в гавани стоял телевизор на деревянной подставке. Потрескавшаяся ламинированная поверхность его корпуса, набухшая от неоднократно пролитой на телевизор воды, которой поливали некогда стоявший там цветок, отвлекала Степана от передач, которые телевизор умел показывать. Умел он показывать не так много каналов, но один из них был музыкальный, и если кругом никого не было, то Степан настраивал звук потише, садился в вытертое кресло, давившее в почки и копчик, и слушал. Его зачаровывали ритмичные танцы барабанных перепонок, уводили его мысли от обид и страхов. Стоило, однако, телевизору поработать какое-то время, как сюда

сбегались остальные пациенты, мнимые звуками музыки слово крысы гамельнским крысоловом, и требовали переключить «на что-то, что более соответствует ситуации в стране, на новости, например». Безликие их лица и отсутствующий взгляд отбивал всякое желание доказывать, что музыка — это прекрасная терапия души, потому Степан обычно закрывал глаза и ничего не отвечал. Канал быстро переключали несколько раз, однако найти интересную программу не удавалось. После пяти минут бесполезного просмотра в ничего не значащие черно-белые фигуры телевизор выключали и уходили по своим палатам. Степан снова включал музыку и ситуация повторялась опять. Прибегали, требовали, щелкали, выключали и уходили.

В последний день года телевизор обещал множество развлекательных программ, а потому в комнате развлечений собралась большая часть пациентов мужского крыла. Все они, за исключением двух самых активных, безмолвно сидели в ожидании традиционного кино и новогодней речи, а двое других поминутно подбегали к телевизору и переключали канал, снабжая свои действия фразами «здесь нет ничего интересного, вот тут сейчас будет». Ничьи глаза не сочли интересным посмотреть на прошедшего мимо Степана. Он прошлепал мимо комнаты, по

пути подул в нее, представляя, как ветер из его легких вышвыривает всех оттуда, и добрался до своей палаты. Из нее тянуло холодом, *«словно из подвала, в котором жили белые медведи»*.

— Тогда я буду пингином, — прошептал Степан и отправился внутрь. Ситуация в его палате становилась катастрофической. Батарея оцетинилась мелкими ледяными иголочками, окна покрылись изморозью в палец толщиной и плохо пропускали свет. Свежая постель оказалась морозно свежей, и мышцы спины разом напряглись, едва Степан лег на кровать. Ему подумалось, что с тем же успехом можно было бы лечь в сугроб. Полежав с минуту, он замерз окончательно и встал с кровати. Затем он попытался присесть на табурет, но и эта затея была отвергнута взбунтовавшимся телом. Степан вышел из палаты и облокотился о стену, он беспокойно оглядывался и не знал, куда ему деваться. Мимо проплывали *«ялики с потрепанными халатами-парусами»*, а один из них даже встал на рейд рядом со Степаном. Он молча смотрел на Степана и ничего не говорил. Вскоре Егор Матвеевич оказался рядом с палатой. Молодой доктор добродушно хлопнул Степана по плечу и спросил:

— Степан, как здоровье? По лицу вижу, что вам уже намного лучше!

Потом он обратился к стоявшему на рейде

ялику:

— Афанасий, вы где должны быть?

Тот улыбнулся и подставил голову под руку врачу.

— Нет, Афанасий, гладить я вас не буду.

Афанасий скривился.

— Я же не на смене, помилуйте. Ну как я могу?

Афанасий вздохнул.

— Степан, вам следует пообедать. Вечером ужин будет позже, я только что на кухне был. Из-за снега на дорогах продукты подвезут позже. Надо же, весь декабрь так тепло было, а тут на тебе! Как будто кто-то бомбу морозную скинул! Правда, Афанасий?

Тот с готовностью закивал.

— У вас, я гляжу, ситуация остается прежней, — продолжил Егор Матвеевич, заглянув в палату Степана. — Эх, Тамара Васильевна, Тамара Васильевна...

— Что Тамара Васильевна? — Тома неведомо как подкралась к молодому доктору сзади.

Егор Матвеевич вздрогнул и *«едва не сломал тонкую стенку субординации»*, когда повернулся назад и натолкнулся на грудь Тома.

— Ах, вот вы где. Ну, вы посмотрите сюда! — он отступил и показал рукой палату Степана. — Как тут жить можно? Пациент простудится. Где

сантехник?

— Вызвала уже! Идет! Злой, как собака. Я ему пить помешала.

— Пусть мне выскажет претензии. Я с готовностью их выслушаю, — заверил молодой доктор.

— Вам еще хватит претензий, Егор Матвеевич, — Тома хитро улыбнулась.

— Не понял?

— Вас прическа моя устраивает? — она сделала плавный шаг в его сторону и добавила в голос нотки женственности.

Егор Матвеевич начал пятиться.

— Она не меня должна устраивать, а инструкцию, Тамара Васильевна! — парировал молодой доктор этот выпад рапиры, *«не надевая защитную маску фехтовальщика»*.

— Инструкции — это люди, я вам должна сказать.

Егор Матвеевич приосанился.

— А где эти самые люди, которые должны быть на посту? Почему пост пустой? Уже полдня как? — задал он очередной вопрос.

Степан немного отошел от собеседников, чтобы наблюдать их обоих, не меняя положения головы. Он отметил, что в этой беседе позиции молодого доктора были не столь убедительны. Стратегическое преимущество все еще оставалось

на стороне Егора Матвеевича, но Тома начала одерживать тактический перевес, в первую очередь, благодаря тому, что больше не думала о фигурах. *«Она достала колоду карт и сдала по две себе и молодому врачу»* .

— А меня вам, значит, мало? — Тома выбросила из колоды джокеров, с ними играть не интересно.

— Тамара Васильевна, вы, право, уходите от темы! — Егор Матвеевич сбросил в пас карманную пару троек. Степан подумал, что будь они наедине, Егор бы еще разыграл эту карту, но за столом сидело четверо...

— Да шучу я! — Тома открыла разномастные семерку и девятку, демонстрируя блеф, — Заболела наша дежурная медсестричка. Температурит ее. Дома пришлось остаться.

— И что, некому больше подежурить? — Егор Матвеевич недовольно покосился в сторону крупье.

— Баба Нина, как всегда, придет к восьми часам, — изящная красотка показала колоду с обеих сторон игроку.

— Нина Демьяновна Кружвель, вы имеете в виду? Я ее не застал утром.

— Ее, Егор Матвеевич, ее я имею в виду, — вяло отвечала Тома, пряча колоду и забирая мелкий банк.

— Прекрасно! — молодой доктор обошел

Тому и юркнул за поворот.

Тома искоса глядела ему вслед, затем повернулась к Степану и подмигнула.

— Стенька, а ты чего тут стоишь? Иди, посиди на посту пока. Все равно там никого нет.

Степан улыбнулся и кивнул.

— Я через полчаса приду в столовую. Знаешь, что будет, если я тебя там не увижу? — продолжила она *«ласкать своим резко подобревшим голосом»* его уши.

— Отнимешь печенье у детей?

Тома залилась звонким смехом.

— Стенька, вот правда, ты не наш клиент! Тебе бы баб жать на танцах, а то и в ЗАГС уже тащить одну счастливницу! А ты вот у нас прописался!

Степан опять улыбнулся. Тома повернулась к Афанасию, и тот сразу же подставил ей голову.

— Вот, еще коты тут у нас развелись! А как тебя гладить, если ты мышей распустил по всему дому, а?

Афанасий боязливо оглянулся.

— Пока последнюю мышь не изведешь — не поглажу! Так и знай! А теперь, айда в столовую, помогай там столы двигать! — Тома взяла Афанасия под руку и повела его в сторону столь нелюбимого Степаном места.

Едва она дошла до конца коридора, как

бросила Афанасия и всплеснула руками:

— Батюшки святой, вы гляньте, кто у нас тут заблудился!

По коридору навстречу ей, *«вспахивая линолеум»*, тяжело шагал сантехник в технической робе и кирзовых сапогах. Траектория его движения напоминала полет мячика для пинг-понга — он двигался от стены к стене, периодически останавливаясь, чтобы свериться с компасом в своем затуманенном мозгу.

— Иди на хер, Томка... — злобно прорычал сантехник.

— Если я туда пойду, тебя с инфарктом увезут, понял? — прошипела Тома.

Сантехник попытался ответить что-то членораздельное, но выдавил из своей пасти, похожую на мясорубку, только фарш из звуков: «ы-ы-ы-ать, ска».

— Вон палата, там трубы не греют! Иди, чини! — скомандовала твердо Тома.

Сантехник перевел взгляд в сторону Степана и сфокусировал взгляд на нем. Ухмыльнувшись, он *«включил первую передачу, испустил облако газа и покатился вперед»*. Проходя мимо Степана, сантехник презрительно осмотрел его, обрызгался слюной и произнес:

— Понарожают дебилов... Видать, папка с мамкой бухими тебя строганули, а?

Степан молчал.

— Беспользные твари... — с этими словами сантехник вошел в палату.

Он некоторое время стоял посреди палаты, трепеща, словно пакет, прицепившийся к ветке в ветреную погоду. Затем выудил из-за пазухи разводной ключ, выставил перед собой, как меч, и ринулся на батарею. Она встретила его звонким отпором, отбив ключ сантехнику в голову.

— ...ать аю-ю-ю! — завопил он и уселся своими грязными штанами на подушку Степана.

Степан отвернулся от этого зрелища и перенес вес тела со стены на свои ноги. Он побрел к посту, чтобы не стать свидетелем эпической драмы. За все полгода, что ему довелось провести в больнице, Степан ни разу не сидел на этом кресле. Металлические его подлокотники были изрядно загнуты в стороны, наверное, для того, чтобы баба Нина могла *«поместить свои килограммы на небольшом относительно площади ее западной стороны сидении»*.

«Интересно, — подумал Степан, — баба Нина учитывает стороны света своего тела, когда молится на запад? Может, нельзя молиться восточной стороной на западную?»

Кресло встретило своего гостя мягким гостеприимством и теплым пледом. На столе, *«возмущенный своей неактуальностью»*, лежал

график дежурств, переписанный в нескольких местах от руки. Рядом к столешнице был приклеен карманный календарик за позапрошлый год, имеющий на одной стороне свидетельства попыток его содрать. На самой столешнице под пустыми бланками справок шариковой ручкой была выскоблена надпись «Бог — это твой доктор». В тумбочку Степан заглядывать не стал, так как не любил нарушать приватность даже такого общественного места. Он бы стучался и в дверь трамвая, если бы они ходили в городе, в котором прошло его детство и студенческие годы.

— Ты чего тут делаешь? — раздался недовольный голос над головой Степана.

Федор Никитович навис над плечами своего пациента и, уцепившись пальцами о край стола подобно грифу, сидящему на ветке, заглядывал Степану в глаза.

— Меня тут посадили ждать... Пока там в палате...

Степана прервала многослойная брань, донесшаяся из палаты, и вторящие ей звонкие удары металла о металл. Федор Никитович перевел взгляд в ту сторону и кивнул.

— Так держать, Степан. Не шали! — и в мгновение ока испарился.

Из палаты вывалился сантехник, роняя по пути инструмент. Сделав полшага, он споткнулся о

свой же ключ и опять бросился обнимать стену.

— ... д-д-доны! — шипел сантехник, *«отталкивая от себя слишком настойчивую в своей симпатии стену»*.

Он пронесся мимо Степана в сторону выхода из отделения и забарабанил кирзовыми сапогами по ступенькам, пропуская по половине пролета, преодолевая их непонятным образом.

Степан потянулся и зевнул. Теплый мохнатый колючий плед укутал его, и ему показалось, что он лежит в высокой летней траве, а сверху его ноги и руки обогревает яркое солнце. Плед накрыл плечи и шею Степана, и принялся нашептывать умиротворяющие слова, похожие на шуршание кошачьей шерсти о кожу. Ему сейчас стало легко и приятно. На какое-то мгновение перед глазами возник незаконченный чертеж. И едва он поднял руку, чтобы сделать небольшой набросок, как чертеж смялся и прыгнул в карман пробежавшему мимо поста серому пациенту, имя которого Степан даже когда-то помнил.

Со стороны столовой снова началось гудение, послышались стуки ложек, громоыхание тарелок. Возле входа в нее *«начал произрастать сосновый бор из тонких ломких деревцев-пациентов»*, волнующихся о том же, о чем и утром: что сегодня перепадет в их тарелку?

Степан вздохнул и мысленно ответил:

гречневый суп, макароны с рыбой и компот. По четвергам всегда давали одно и то же... Он решил пойти в столовую последним, чтобы не тратить силы на стояние в очереди. Есть, само собой, он не планировал, но отметить свое присутствие был обязан, потому как злить Тому ему не хотелось.

Кто-то из пациентов, толкая остальных, поинтересовался голосом контролера, орущего «предъявите билеты!»:

— Сегодня мандарины будут давать? Новый год все-таки!

Все зашептались, но внятно ответить никто не смог.

— Главное, чтобы не было! Нельзя мне, аллергия у меня! Главное чтобы не было! — сам себе ответил тот.

Вскоре дверь столовой отворилась, и обеденный час настал, отмеряемый песочными часами с пациентами вместо песка. Они ссыпались сквозь узкую дверь и распадались на две кучки, как это делал сегодня утром ручей. Степан лежал в полудреме, пока не услышал, как последний из пациентов закрыл за собой дверь, согласно требованию поварихи. Он поднялся, горько сожалея о том, что сбросил с себя плед. Низкая температура впиалась в руки и ноги, подбивая их поскорее двинуться в путь. Опустевший коридор гнусавил эхом его нетвердых шагов, сопровождая к светлому

пятну на полу — это дневной свет струился из матовых стекол двери, заикаясь перебивавшими его тенями. Внутри столовой, подобно супу в котелке, *«кипела жизнь, куски мяса плавали от борта к борту, смешиваясь с мелкими крупинками писклявых голосов»*. За спиной Степана, разрушая витраж возникших в его голове образов, проплыло грозное облако мата: сантехник шел в его палату с кувалдой наперевес. Прочищая себе дорогу грязной бранью, он призывал к ответу всех, кто приложил руку к строительству этого здания.

Степан вновь повернул голову к двери столовой и толкнул ее, в глубине души надеясь, что она не откроется. Но дверь, не разбираясь, кто перед ней стоит, податливо ушла в сторону *«и слегка поклонилась»*. Он заглянул внутрь и сразу попал на пристреленное место, куда разрывные патроны, вылетающие из глаз поварихи, попадали без проблем. «Хлоп! Хлоп! Хлоп!» — патроны кучно ложились пряником ему в грудь, пока он шел к ней. Повариха прикусила нижнюю губу и одновременно умудрилась ухмыльнуться, обезобразив свое лицо еще больше. Она, не целясь, открыла бомболюк и сбросила в миску Степану жидкую бомбу из супа, окатывая взрывной волной его руки. Удивительно, но она не произнесла ни слова.

Степан, не встретив препятствий в виде

очереди, получил от Наталии миску макарон с рыбой и побрел искать свободное место. Чтобы попасть в нужное место наверняка, он сразу отправился в дальний угол столовой, топая в проходе под окнами. Маяком ему послужил стакан с компотом, который ждал на свободном месте. Поставив остывать еду рядом с компотом, Степан присел на стул и облокотился о стол, сгоняя халатом стайки хлебных крошек со столешницы. Он чувствовал себя намного лучше, чем утром, но для него самого это не означало, что он станет есть. Когда угодно, но точно не сегодня, не сейчас.

Он сложил руки лодочкой и оставил их на коленях. Противный запах еды *«окутал шарфом его шею и затянул петлю на горле»*, мешая нормально дышать. Сознание противилось этому запаху, отторгало все, что с ним связано. Хотелось открыть настежь окно за спиной и пригласить в гости свежий воздух, проводить его погулять между столами, посидеть за своим столиком, ощутить аромат его бодрящего парфюма. Из тарелки со слипшимися макаронинами, похожими на вязанки дров, прямо в лицо Степану *«щурила глаза рыба голова, замерев в вопрошающей эмоции»*.

— Нет, не буду я тебя есть, не бойся, — поспешил заверить ее Степан.

Показалось, что рыба голова кивнула в ответ

и закрыла глаза, почив с миром. Степан, вопреки привычке не замечать ничего вокруг, огляделся по сторонам. Позади него синхронно чавкали десятки ртов. Алюминиевые ложки скоблили дно тарелок, *«как будто под слоем металла можно было найти золотые рудники»*. Не достигнув успеха в первой тарелке, золотоискатели принимались за вторую, ловко поддевая мучные комья и отправляя их в темный зев. Всех золотоискателей в этом помещении объединяла одна общая черта — они были больны лихорадкой, которая в данном случае являлась одной из разновидностей безумства. Степан улыбнулся, подумав, что если в этих мисках и есть золото, то оно явно в его посуде, но никто его не найдет.

Почему-то он вдруг вспомнил Юрский геологический период в истории развития Земли. В те времена по суше перемещались гигантские ящеры, вытаптывая своими лапами дорожки, по которым хотела пойти эволюция. Среди прочих, существовала такая группа как зауроподы, к которой относились самые большие из когда-либо существовавших динозавров. Вдруг один из этих гигантских ящеров *«оказался в их здании»*. Он пронзительно закричал из коридора, а затем подпрыгнул. Звук эхом прокатился от первого до четвертого этажа, *«разломился на мелкие осколки и осыпался под ногами»*. Все в столовой замерли и

повернули головы в сторону закрытой двери. Динозавр снова подпрыгнул, лязгнули батареи, окна в рамках неодобрительно загудели. Повариха выглянула из кухни, надеясь навскидку выстрелить в того, кто творит весь этот гвалт, но виновника переполоха не обнаружила. Новый удар породил странное эхо: чугунные батареи застонали и принялись вибрировать, выгибая перемычки. *«Должно быть, динозавр хвостом задел одну из батарей»* . Повариха, подпрыгнув, побежала к двери и *«расторгла союз замка и запорной планки»* . В проеме двери мелькнула спина Тома, которая неслась то ли навстречу динозавру, то ли прочь от него. Следующий удар заставил качнуться все здание. Послышался хлопок и отдаленные крики. Повариха огородила себя частоколом брани и бегом вернулась на кухню. Наконец, ступор, охвативший Степана, *«подал рапорт об отставке»* . Его освобожденное тело повиновалось возросшему давлению нервов и он, радуясь отличному поводу отказаться от еды, соскочил со стула. То же самое сделали и другие пациенты, побросав ложки в вырытые в еде ямки. Толпа сгрудилась возле выхода, *«нехотя выплевывая за двери по одному человеку»* . Все зашумели и замахали руками, и каждый взмах порождал все новые и новые версии произошедшего: землетрясение? взрыв? оползень? стена отпала?